

И.И. Зильберберг

О "Розе мира" Даниила Андреева

Когда в России была впервые опубликована "Роза Мира" Даниила Андреева, я получил в подарок несколько экземпляров и одновременно просьбу прокомментировать её содержание. Одна из таких просьб была от преподавателей вальдорфской школы в Екатеринбурге, с которыми в конце 1992 года я вёл антропософские занятия. Для них-то в первую голову и был написан помещаемый ниже отзыв, который я отправил или передал и некоторым другим людям. В числе них были супруги Григорий Померанц и Зинаида Миркина, с которыми у меня была в то время переписка (надеюсь, читателям постсоветского "Самиздата" эти имена так же хорошо известны, как они были известны читателям "Самиздата" подсоветского). Мы с Г.П. обменялись по этому поводу письмами, которые я также поместил здесь, вслед за своим отзывом, опустив в письмах Г.П. места, не относящиеся к данной теме.

* * *

12.4.93

Дорогие друзья!

Несколько человек обращалось ко мне с просьбой высказать своё мнение о книге Даниила Андреева "Роза мира", что я сейчас и делаю. Должен сказать - делаю весьма неохотно, и вот почему. Я знаю, что на некоторых из вас эта книга произвела большое впечатление, может быть даже оставила в вас глубокий след, пробудила у вас в душе какие-то важные импульсы. В то время как я - говорю об этом сразу же - разделить вашего энтузиазма, увы, не могу. Очевидно, мы увидели в прочитанном разные вещи, или поняли их по-разному, или по-разному оценили. В любом случае мне не доставляет никакого удовольствия выплескивать ложку дёгтя своего отзыва в бочку мёда ваших впечатлений. Но вы это можете легко предотвратить - не читая написанного ниже. Я не только не обижусь, но даже почувствую облегчение. С другой стороны, если вы всё же решите дочитать до конца, я утешусь тем, что у вас будет возможность ещё раз проверить свои впечатления и оценки, что всегда является делом полезным. Более того, вы сможете, если захотите, указать мне на расхождение наших оценок, что будет полезным также и для меня.

Вообще оценивать содержание книг, подобных "Розе Мира", - и в данном случае я имею в виду исключительно внутреннюю оценку, для себя, - оценивать такое содержание очень трудно, ибо оно основано на духовном (мистическом, оккультном, сверхчувственном, эзотерическом, метафизическом - дело не в названии) опыте, которого мы с вами не имеем. Как к нему подойти, как оценить, какие применить критерии? Меня самого жизнь несколько раз ставила перед

подобными проблемами, которые ощущались особенно остро при личных контактах с людьми, рассказывавшими о своём сверхчувственном опыте. Должен сказать, что большинство свидетельств, с которыми мне пришлось познакомиться - как письменных, так и устных, - не вызвало у меня сомнений относительно своей истинности, вопрос для меня заключался в другом: является ли данное сверхчувственное переживание, видение и пр. тем, за что его принимает или выдаёт экстрасенс (пользуюсь принятым в России термином), и в чём его истинный смысл?

Сами свидетельства настолько различаются и по содержанию, и по глубине, и по своим источникам, и по форме изложения, что вряд ли можно выработать какой-то единый критерий для их оценки - иногда она может быть продиктована внутренним ощущением, иногда же является результатом длительных и мучительных размышлений. И всё же можно, мне кажется, указать определённый подход для оценки сверхчувственного опыта другого человека. Такая оценка может составиться из ответов на ряд вопросов, которыми следует при этом задаться: Вызывает ли доверие как сам человек, так и методы, посредством которых он получил свой сверхчувственный опыт? Дают ли его сообщения цельную картину духовной реальности или же являются 'отрывками из обрывков, повисающими в воздухе? Какова их связь с физической реальностью, с нашей земной жизнью? Должен ли я принять эти сообщения на веру или же они могут опереться на какой-то мой внутренний опыт, на здравый смысл, здоровое мышление, логику или другие факторы моей внутренней жизни? Как они согласуются с моими знаниями и представлениями о мире и жизни, с моим жизненным опытом, с тем, что я почерпнул из других источников? Выбили ли эти новые сообщения у меня почву из-под ног или же наоборот, обогатили меня новыми знаниями, укрепили меня, связали прочнее с жизнью?

Было бы большим упрощением и догматизмом, если бы я приступил к чтению "Розы Мира" с 'набором' этих вопросов. Да и сформулировал я их только сейчас, для данного случая. Но как 'настрой души', как 'подход', они в своей совокупности, вместе с другими мыслями и чувствами, без сомнения жили во мне во всё время работы с "Розой Мира". Я уже сказал вам об общем результате этой работы, а сейчас конкретизирую: я прочитал лишь первую главу книги, то есть первые 10 страниц, после чего остановился. Ибо читать её дальше у меня нет ни интереса, ни желания, ни необходимости - если только кто-нибудь снова не попросит меня прочесть и прокомментировать в ней что-либо конкретно. Так что отзыв мой исключительно об этой первой главе, а не о всей книге. Почему я ограничился только одной первой главой - я постараюсь объяснить ниже. Может ли моя оценка хоть в какой-то мере быть отнесена ко всей книге - решите вы сами.

Подвергая анализу и оценке творчество Андреева, в данном случае его "Розу Мира", надо принимать во внимание тот факт, - который подчёркивается и им самим и его женой, - что он является не философом, не учёным, а - поэтом. Это значит, что и его восприятие мира, и мышление, и суждения, и - главное - духовный опыт не подчиняются строгим научным требованиям объективности, а

определяются эмоциональным состоянием его души и являются сугубо субъективными. В качестве таковых они апеллируют в первую очередь не к разуму, а к чувствам, и именно на этом уровне происходит первая встреча читателя с книгой, появляются первые впечатления и оценки. Другой уровень такой встречи - это уровень личного опыта. Созвучно ли содержание книги личному опыту читателя или же, наоборот, диссонирует с ним - этим тоже определяются читательские впечатления и оценки.

Но читательское восприятие "Розы Мира" может выйти за пределы эмоционально-субъективного, предопределённого природой авторского творчества, и вступить на уровень, предопределяемый требованиями объективности и рассудка - уровень строгого, чёткого и ясного мышления. Именно этот уровень я имел в виду, когда говорил ранее об оценке сверхчувственного опыта обычным сознанием. Весь же смысл разговора об 'уровнях' состоит не в их определении и классификации - у каждого они могут быть свои собственные, - а в том, чтобы ясно отдавать себе отчёт, на каком из них родилась та или иная оценка.

Но перейдём к самой книге. Должен сказать, что хотя я и ограничился первой главой, я её довольно тщательно проработал. И если вы проделали то же самое, то лучшее, что мы могли бы сделать, - если бы нам представилась возможность личной встречи, - это разобрать и обсудить, с книгой в руках, строчку за строчкой и предложение за предложением. Кто знает, может такая возможность и представится, и мы сможем, если вы захотите, проделать такую работу (она, кстати, могла бы оказаться очень полезной; полезным также для любого педагога, особенно для вальдорфского, был бы анализ главы о воспитании, на которую имеется ссылка в первой главе и которую я сам не читал). Сейчас же мой анализ по необходимости является выборочным и ужатым, но не за счёт, я надеюсь, самого для нас с вами главного.

Изложенное в главе "Роза Мира и её ближайшие задачи" можно подразделить на две категории. К первой относятся наблюдения, рассуждения и оценки автора, касающиеся общественно-политических событий и явлений культуры как прошлого, так и настоящего. Ко второй - его мысли, предложения, предвидения, касающиеся будущего. Рассмотрим сначала первые.

Основной нерв жизненных переживаний Андреева, крик его души, стимулятор его творчества - это "два коренных, первичных зла", которыми он "смертельно ранен": война и тирания. Как чуткий сын своего времени, он чувствует их всем своим существом, более того - разоблачает их и вступает с ними в борьбу. Дело его жизни - его книга - "направлена, прежде всего, против этих двух зол", как и то учение, которое он должен представить миру и которое призвано преобразовать его.

К счастью для человечества, Андреев не одинок: у него есть немало братьев и по совести и по искусству, которые так же остро чувствуют те или иные проявления зла, которыми так богато наше время, и так же публично вступают с ними в бой - каждый по-своему. Но Андреева отличает от большинства из них нечто весьма

существенное: во-первых, он обладает духовным опытом, дающим ему возможность заглянуть в глубину явлений, а не просто свидетельствовать о них; во-вторых, он предлагает миру глобальные решения его проблем.

Однако, можно указать на две причины, в силу которых предлагаемые решения, даже до их рассмотрения, представляются сомнительными и не вытекающими из серьёзного духовного опыта. Первая состоит в следующем: какими бы страшными ни были два вышеуказанных бедствия, они всё же являются не "коренным, первичным злом", как считает Андреев, а - его проявлением. Есть и будут другие проявления, возможно - даже более страшные, но чтобы их понять и уметь справляться с ними, необходимо знать их происхождение, их роль в нашей жизни и эволюции, уметь проследить их истоки до того самого "коренного, первичного зла", с которого всё последующее 'пошло быть'.

Вторая причина такова. Когда борьба против какого-либо проявления зла становится основным импульсом и содержанием жизни, творчества или отдельного произведения определённого индивидуума, это вполне объяснимо. Но эта борьба совершенно непригодна в качестве универсального побудительно мотива, и зло ею победить нельзя. Она не может стать таким мотивом, потому что другие условия и другое проявление зла потребуют другого его понимания и другого подхода к нему. Она не сможет победить зло, потому что борьба - в самом широком смысле слова - успешной может быть лишь тогда, когда ведётся не 'против', а 'за', когда 'против' вытекает из 'за' и является его побочным продуктом. Зло можно победить только в том случае, если борьба против него является не чем-то отдельным и независимым, а составной частью борьбы за Добро.

Не увидел я следов духовного опыта и в рассуждениях по поводу общественно-исторических процессов. Они не выходят за рамки популярной журналистики на страницах массовой печати и являются скорее впечатлениями, чем результатом серьёзных исследований. Причём некоторые из них я нахожу просто поверхностными и наивными, как, например, рассуждения по социальному вопросу - и о "пробуждении социальной совести человечества", и о возможности решения этого вопроса только сейчас, в результате появления "материальных средств" (экономических и технических).

Так же наивны призывы Андреева к человечеству следовать примеру Ганди и Индии, ставшей на путь "к процветанию культурному, этическому и эстетическому - процветанию духовному, неспешно, но прочно влекущему за собой и процветание материальное". Неспешно мы можем все там будем, но сегодня Индия является одной из самых 'передовых' стран как по нищете и отсталости своего населения, так и по эксплуатации, бюрократизму, коррупции, актам террора и насилия.

Ещё большая и совершенно непонятная для человека такого духовного и культурного уровня наивность (хотя здесь, возможно, больше подошло бы другое слово) проявилась в его рассуждениях о "рождении всечеловеческой интеррелигии". Согласно Андрееву, человечество в последние столетия настолько

было занято прогрессом культуры и науки, что оно просто не могло найти "в себе силы одновременно творить ещё и универсальные религиозные системы". Теперь работа по созданию "великих литератур и искусств, великой музыки и философии" завершена, в результате чего "образовался гигантский вакуум духовности" и высвободились "колоссальные ресурсы человеческой гениальности" - самое время создавать 'великую религию'. Никогда раньше не приходилось мне встречаться с таким - бытовым, что ли, - пониманием процесса развития человеческой культуры, а такое материалистическое понимание происхождения религий напоминает мне советскую антирелигиозную литературу времён моей молодости.

В меньшей степени озадачивают рассуждения о неспособности старых ('доинтеррелигиозных') религий "духовно осмыслить текущий исторический процесс", так как "исторический опыт был ещё мал и узок, географический кругозор ничтожен, мистический разум не был подготовлен к постижению внутренних закономерностей". Оказывается, только сейчас, когда "железные зубья исторических катастроф ... взрыхлили психологические пласты, столько веков пребывающие в неподвижности", в них начинают падать "семена метаисторического откровения. И приоткрывается духовному взору весь планетарный космос..." и пр. и пр.

Неужели автору ничего неизвестно ни о духовной эволюции человечества, ни о его богатейшем духовно-мистическом опыте и наследии, ни, наконец, о том, что источником здесь служат не учебники истории и географии? Неосведомлённость и некомпетентность проявляет автор и в отношении современности, говоря, что его Роза Мира "не есть международное религиозное общество вроде теософского, антропософского или масонского, составленного, наподобие букета, из отдельных цветов религиозных истин, эклектически сорванных на всевозможных религиозных лугах". То немногое, что я знаю о теософии и масонстве, но, главное, мои многолетние занятия антропософией позволяют мне утверждать, что в этом вопросе автор проявил полное невежество - и безответственность, походя говоря о серьёзных вещах, о которых он сам ничего не знает.

До сих пор я рассматривал различные оценки или суждения Андреева, которые представляют лишь академический интерес, находясь в сфере 'личного мнения каждого', и которые, независимо от отношения к ним, можно оставить на совести автора. Теперь же я хочу коснуться тех его мыслей, соображений и предложений, которые имеют принципиальное значение не только в силу своей тематики, но и потому, что если бы они были осуществлены, к чему стремится и призывает Андреев, они оказали бы самое прямое воздействие на каждого живущего на земле человека. Это вопросы будущего развития человечества, как духовного, так и общественного, - и ничего важнее у нас с вами на земле нет. И если в других вопросах я следовал за Андреевым, за теми или иными его мыслями и посылками, анализируя их содержание по мере его разворачивания, то в этих вопросах ситуация иная. Здесь я выхожу ему и его идеям навстречу с собственными мыслями по этим вопросам, выношенными многолетними размышлениями. И

результат этой встречи таков: я должен самым решительным образом отвергнуть то, что предлагает Андреев.

При первом беглом знакомстве с идеями Андреева возникает некое недоумение: что это перед нами - мечта идеалиста?.. сказка, созданная поэтическим воображением?.. плод безудержной фантазии?.. утопия, рождённая благими намерениями?.. Потом они начинают озадачивать: неужели автор настолько наивен и оторван от жизни, настолько не знает и не понимает природу человека, его сознание, не умеет читать письма эволюционных процессов, что способен предположить, что как только в мире появится "универсальное учение", способное "разрешить все возникающие ... проблемы с их невероятной сложностью", что достаточно родиться "интеррелигии" - "религии итога", "соборному мистическому разуму живущего человечества", достаточно учредить всемирную "этическую инстанцию" (допуская, конечно, что это всё вообще возможно!) - и человечество начнёт под её руководством героический труд по созданию "всемирного народоустройства, стремящегося к освещению и просветлению всей жизни мира"?

В первой главе Андреев мало ссылается на свой духовный опыт, он больше оперирует явлениями и событиями на общественно-историческом плане, от которых он и отталкивается, предлагая свои решения. Это облегчает нашу задачу анализа его предложений, потому что мы сами только на этом плане и можем осмысливать происходящее. "Опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута...", - говорит Андреев, но давайте прервём его здесь и постараемся сами ответить, для себя: чему же учит *нас* исторический опыт?

Ограничиваясь контекстом, в котором этот вопрос рассматривается Андреевым, мы можем сказать, что живём в такое время, когда реальностью стало предупреждение, прозвучавшее две тысячи лет назад: "Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне". Так что главные битвы происходят сегодня не во вне, а внутри человека - каждого, - где Добро сражается со Злом. Добро хочет, чтобы человек стал свободным, независимым существом, способным к самостоятельным мыслям, решениям и поступкам - и прежде всего в выборе между Добром и Злом. И добро тогда он будет творить из себя, а не под воздействием внешних стимуляторов в виде ли принуждения, принципов или обязательств. Зло же ни в коем случае не хочет, чтобы человек стал самостоятельным и свободным, ибо оно хочет власти над ним. Получив эту власть, оно будет всё решать за человека и управлять его мыслями и поступками, а человек в результате потеряет способность отличать добро от зла, одно будет принимать за другое, не будет замечать собственной несамостоятельности и несвободы или даже будет рад им.

Приглядитесь внимательно к происходящему вокруг, и вы не сможете не увидеть этой битвы, вернее, множества таких битв, различающихся лишь по форме и интенсивности. Добро в этой битве не заявляет о себе громко, не навязывает себя человеку - оно терпеливо ждёт, когда человек сам сделает свой выбор. Зло же

не оставляет человека в покое ни на минуту, оно завлекает и атакует его, пользуясь для этого множеством методов и выступая под разными личинами, в том числе и добра. Поэтому так трудно сегодня человеку, поэтому так важно для него знать не только 'пути Господни', но и пути 'князя мира сего' - во всём: в исторических процессах, в общественных явлениях, в повседневной жизни.

Давайте же рассмотрим теперь в этом плане то, что предлагает Андреев. Для этого сначала продолжим его фразу, начатую тремя абзацами выше: "...признанием насущной необходимости одного-единственного пути..." Стоп! Неправда! Опыт истории говорит как раз об обратном - о невозможности и опасности выдвижения одного-единственного пути для всего человечества. Но может всё-таки такой путь есть? Что же предлагает нам Андреев? Вот что: "создание Всемирной федерации государств ... с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция,.. осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их ... преобразованием изнутри", А со временем, когда "границы Федерации совпадут с границами человечества, тогда откроется практическая возможность к осуществлению цепи широких мероприятий ради превращения конгломерата государств в монолит".

Всё. Первый этап закончен. Всё человечество живёт в "монолите", и жизнь его направляется из одного центра "особой инстанцией". До такого не додумался даже Орвелл в своём "1984" - у него человечество разделено на враждующие лагеря. Но читатель не должен тревожиться, в "монолите" всё будет по-другому - ни вражды, ни разрушений, а созидательная работа по строительству 'светлого будущего'. Залогом тому будет, во-первых, нравственный уровень членов "особой инстанции" - 'ума, чести и совести нашей эпохи', а во-вторых, 'самое передовое в мире учение', которым они будут руководствоваться. (Да простит мне читатель мои подстановки, но они ни на йоту не искажают смысла того, о чём говорит Андреев).

Конечно, не все и не сразу смогут оценить преимущества "всемирного народоустройства", так что с 'несознательным элементом' придётся 'поработать'. Но пусть у читателя не возникает нездоровых аналогий - Андреев решительно заявляет: "Для движения, о котором я говорю,.. врагом будет одно: стремление к тирании и к жестокому насилию, где бы оно ни возникало, хотя бы в нём самом". Ах, сколько красивых деклараций прозвучало в XX веке, так всегда хотелось верить им, но они почему-то никогда не сбывались, а нам это объяснялось потом ссылками на 'непредвиденные трудности', 'историческую необходимость', 'временные меры', 'средства, которые оправдывают цели', и т.д. А здесь мы даже поверить не успели, как читаем уже в следующем предложении: "Насилие может быть признано годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягчённых формах и..." - конечно же, мы так и думали! - "лишь до тех пор..." Очередная 'временная мера'! Как всё это до боли знакомо!

Но если "принуждение, насилие над чужой волей" используется "лишь в редчайших случаях" (а мы-то, простаки, чуть было не поверили, что никогда!), то что же является постоянным, главным методом воздействия на 'несознательный

элемент'? Оять же - такое знакомое и родное - 'идейное воспитание масс': "наивысшая инстанция путём усовершенствованного воспитания ... подготовит человечество при помощи миллионов высокоидейных умов и воле..." А саму систему "усовершенствованного воспитания" готовить не надо, она уже разработана и опробована - в нашу многоопытную эпоху и с нашим с вами в том числе участием: "исторический опыт великих диктатур, с необыкновенной энергией и планомерностью охватывавших население громадных стран единой, строго продуманной системой воспитания и образования, неопровержимо доказал, какой силы рычаг заключён в этом пути воздействия на психику поколений". Поэтому этот рычаг, продолжает Андреев, "должен быть взят нами в руки и крепко сжат". И если это сделать - посрамлены будут все те, "кто не предвидит, какие сдвиги массового сознания ждут нас в недалёкие уже годы".

Вот на этот счёт российские читатели могли бы успокоить автора: очень даже предвидим, и не только предвидим такую возможность, но ужасно страшимся очередного "сдвига массового сознания", ибо живём и много лет ещё, вероятно, будем жить с уже однажды сдвинутым массовым сознанием именно по такой методике. Будем надеяться, что предлагаемый Андреевым "монолит" никогда не будет построен, ибо по своей атрибутике он соответствует ничему иному, как царству Антихриста на земле. А чтобы ни у кого не было сомнения на этот счёт, вот и он сам, на положенном ему месте, воздвигнутый туда - нет, не грубой силой или интригами, этими жалкими средствами земных диктаторов, а чем-то более надёжным и долговечным - чаяниями и волеизлиянием миллионов: "о светоносце-праведнике, грядущем возглавить объединённое человечество,.. - вот о чём молятся верующие и мечтают неверующие в наш век". В перечисляемых Андреевым его качествах не хватает разве что 'гения всех времён и народов', но всё это нужно для того, чтобы подвести к главному: "Именно такому человеку и только такому может быть вверен необычайный и небывалый в истории труд: этический контроль над всеми государствами Федерации и водительство народами на пути преобразования этих государств во всечеловеческое братство... Он - мистическая связь между живущим человечеством и миром горним, проявитель Провиденциальной воли, совершенствователь миллиардов и защитник душ. В руках такого человека не страшно соединить полноту духовной и гражданской власти".

Вот теперь можно сказать окончательное 'всё' - на земле создано "нечто новое, качественно отличное от всего, до сих пор бывшего". Великолепное словесное одеяние, в которое Андреев наряжает это "новое" со всеми его инстанциями, не может скрыть его истинной сути. Не знаю, описывает ли Андреев дальше в своей книге, что ждёт человечество на следующем этапе, но представление об этом можно получить, помимо собственной интуиции, из других источников - скажем, из Достоевского, Соловьёва, Штайнера. Но я хочу из будущего вернуться в настоящие и понять ту трагедию, свидетелем которой я стал благодаря вашей просьбе высказать своё мнение о "Розе Мира". Как могло произойти, что такой светлый и духовный человек, проживший такую многострадальную жизнь, искренне и беззаветно поставивший себя на службу Добру, ценой нечеловеческих

усилий и из самых лучших побуждений приносит в мир мысли и слова, которые иначе, как прокладыванием пути Антихристу, назвать нельзя?

Мне очень нелегко это писать, и я сознаю, что делая это, тем самым беру на себя большую ответственность. Мне очень и очень хотелось бы увидеть в книге то положительное и значительное, что увидели в ней вы, другие. Но о том, что я прочитал, сказать иначе я, к великому своему огорчению, не могу. Если я ошибаюсь, это ошибка и грех одного человека. Если же ошибки здесь нет, то мы имеем дело с чем-то гораздо более серьёзным. Во всяком случае, одно мы не должны забывать - и здесь мы вполне солидарны с Даниилом Андреевым: сегодня в мире идёт великая битва сил Добра и Зла. Эта битва захватывает всех и вся, никто и ничто не оставлено в стороне, и мы должны уметь видеть её проявления везде - на мировой арене, в своей стране, в своём окружении, в себе самих. А увидев - не ошибиться и суметь стать - делом, словом, мыслью - на сторону Добра.

Ваш Илья Зильберберг

16.8.93

Дорогой Илья!

Я долго не отвечал на Ваше письмо с текстами. Не мог сообразить, что сказать в ответ на попытку судить о Данииле Андрееве, прочитав 10 страниц. Представьте себе, что вам в руки попал однотомник Данте, в котором для начала, в качестве введения, один из его трактатов, что-то насчёт гибеллинов. Вы прочли десять страниц и захлопнули книгу. Но потом Вас спросили, что Вы думаете о Данте. И Вы ответили - опираясь на чтение десяти страниц, не дойдя до Ада, Чистилища, Рая.

Андреев - не профессор, логически развивающий идею, сформулированную во введении. Это поэт, увлекаемый вдохновением, автор "Ленинградского апокалипсиса", "Песни о Монсальвате", "У демонов возмездия", "Изнанки мира". Я назвал только четыре из его поэм; их более десяти. И "Роза Мира" на 90 или 95% не имеет *ничего общего* с идеей Розы Мира, изложенной на первых страницах. Это потрясающая по яркости мифология посмертия (в основном - "нисходящего"; сидение на Лубянке и во Владимирской тюрьме расположило поэта-духовидца к инфернальным видениям, которые он и описывает в стихах и прозе). Это мифология русской истории и культуры, с замечательными прозрениями психологии раскола (я не встречал лучшего понимания духовного мира Аввакума и Морозовой), с теорией вестничества и анализом явления вестничества в русской литературе. Можно воспринимать видения Андреева как игру витальных (астральных) сил и не принимать их полностью за чистую монету, но это игра с поэтом, поэтом гениальным, создавшим в одиночку целую мифологию поразительной поэтической глубины (с этой точки зрения Андреева можно сопоставить с Толкиеном или Энде; разница в том, что акт творчества совершался

бессознательно, в видениях, приходивших в тюремной камере). Мы с Зиной без всяких шуток считаем картины "страдалиц", нарисованные Андреевым, гораздо достовернее - духовно - чем дантов "Ад".

На фоне этого гигантского наследия Андреева его идеи о переустройстве современного политического мира имеют примерно такое же значение, как идеи Льва Толстого - сравнительно с "Войной и миром". Можно придерживаться Ваших взглядов и считать суждение Д.А. о Штайнере легкомысленным; не более, впрочем, чем суждение Льва Толстого о Шекспире. Кто из читателей Толстого начинает его оценку со статьи "Что такое искусство"?

Я довольно много писал об Андрееве и сперва собирался послать Вам одну или две статьи (например, "Тюремную лирику Даниила Андреева"). Но потом решил не поощрять Вашу лень. Возьмите снова в руки "Розу Мира" и прочитайте её от доски до доски. Там Вы найдёте и теорию гностики и увидите, что Андреев и сам считал все свои рациональные конструкции менее достоверными, чем ослепительный факт видения.

Лично я считаю идею сближения великих религий (а в этом суть концепции Розы Мира) - пророческой, но изложенной поспешно и не совсем удовлетворительно. Однако ещё раз повторяю, что в оценке наследия Андреева это дело десятое...

Обнимаю Вас. Сердечный привет от Зины. Г.

11.11.93

Дорогой Гриша!

Представилась возможность послать Вам письмо по факсу, поэтому пришлось его печатать. Надеюсь, оно дойдёт до Вас скоро и в читабельном виде.

Как видите, я Вам тоже долго не отвечал, потому что так же, как и Вы, испытывал трудности с ответным письмом, хотя и совсем другого рода. Ваше письмо настолько меня озадачило, что я поначалу думал вовсе не отвечать на него, ибо по опыту знаю, что 'выяснение отношений' ни к чему хорошему, как правило, не приводит. Но потом подумал, что оставить Ваше письмо безответным было бы, в определённом смысле, ещё хуже. Так что в конце концов решил ответить Вам и надеюсь, что мой ответ не вызовет у Вас никаких негативных чувств, как и Ваш не вызвал у меня. А начну я, пожалуй, не с главного и основного, а с того, что по отношению к нему является периферийным.

Из всего текста моего отзыва на "Розу Мира" Вы выделили одну единственную фразу - о моём прочтении только первых десяти страниц книги, уделив ей всё внимание и посвятив ей своё письмо. При этом Вы даже не захотели понять (и принять) моих причин и объяснений такого ограниченного прочтения, отнеся его за

счёт моей лени. Но уж в таком случае договорим до конца: в какой же степени надо обладать не только ленью, но и наивностью и невежеством, чтобы не только пытаться судить о целом по малой его части, но делать это суждение публичным да ещё посылать тем, кто прекрасно знаком с целым! Понятно, что столкнувшись с таким феноменом, Вы не могли "сообразить", что сказать в ответ на попытку судить о Данииле Андрееве, прочитав 10 страниц".

Но только где Вы, Гриша, эту попытку увидели? Не в моём же отзыве, где я со всей определённой заявляю, что "отзыв мой исключительно о первой главе, а не о всей книге", где, более того, призвал своих читателей, прочитавших всю книгу, самим судить, "может ли моя оценка хоть в какой-то мере быть отнесена ко всей книге", а также "указать мне на расхождение наших оценок, что будет полезным также и для меня".

Разве я отступил от своих слов и хоть в чём-нибудь в своей оценке вышел за рамки очерченных мною границ, распространив её на что-то другое в творчестве Андреева, а тем более на его наследие, об оценке которого Вы почему-то говорите в своём письме? В чём же, повторяю, Вы увидели "попытку судить о Данииле Андрееве, прочитав 10 страниц"? Её просто не существует, и я должен с огорчением констатировать, дорогой Гриша, что Ваше письмо своим пафосом и содержанием направлено против того, чего на самом-то деле нет.

Вот что действительно есть и существует, так это не "попытка судить", а уж само суждение - о Данииле Андрееве и о том, что вышло из-под его пера, но - лишь в пределах всё тех же десяти страниц, той же первой главы. И даже если, как Вы пишете, "'Роза Мира' на 90 или 95% не имеет *ничего общего* с идеею Розы Мира, изложенной на первых страницах", то всё равно, какое это имеет отношение к содержанию моего отзыва?

Когда мне подарили "Розу Мира" и попросили дать о ней отзыв, я, хотя немало уже слышал, причём исключительно положительного, и об авторе и о книге, понятия не имел ни о её содержании, ни о композиции. Как и полагается добросовестному читателю, я начал читать её с самого начала, а не выборочно или наугад. Не я, а автор решил, что должно было войти в первую главу. Вот ограничить своё чтение и отзыв этой первой главой решил уже я - и упрекать меня за это можно было бы только в том случае, если бы содержащиеся там авторские мысли не были завершены или если бы я их недопонял, исказил либо вырвал из контекста. Если же нареканий по этой части ко мне нет, то я не вижу ничего предосудительного в обсуждении даже одной отдельной мысли автора, не говоря уже о целой главе.

Вы смело могли допустить, что я и раньше догадывался о том, что 10 страниц не составляют и не представляют всего творчества Даниила Андреева, как творчество Льва Толстого не исчерпывается статьёй "Что такое искусство". Но всё же, если получен отзыв именно на эту статью, надо ли в ответ ссылаться на "Войну и мир"? - ведь разговор-то, как-никак, идёт на другую тему. Вам ведомы все темы Даниила Андреева, мне же ненароком пришлось познакомиться лишь с одной - и меня

потрясло то, что мне в ней открылось. Поэтому я и послал Вам с Зиной свой отзыв - мне хотелось услышать от вас, увидели ли вы в первой главе то, что увидел я, что сами думаете об этом и о том, что я сказал на пяти с лишним страницах своего отзыва (половина, которого, кстати, касается общих, мировоззренческих вопросов).

Каково же было моё разочарование, когда вместо всего этого я нашёл в Вашем письме нечто совершенно другое, ничего общего с содержанием первой главы и моего отзыва не имеющее. Но не это нечто, о котором я говорил выше, а обнаружившаяся разница в наших восприятиях и оценках - вот то главное, что побудило меня ответить на Ваше письмо.

Прежде всего, это касается обсуждаемых Андреевым тем, о которых он говорит с драматизмом и болью, как о чём-то, исключительно важном для судеб человечества: о противостоянии в мире сил Добра и Зла, о трагизме нашего времени, о нависшей над человечеством угрозе физической и духовной гибели и о путях её предотвращения. Я говорю о них, в частности, своим читателям: "Это вопросы будущего развития человечества, как духовного, так и общественного, - и ничего важнее у нас с вами на земле нет". Для Вас же это не более, чем вопросы "переустройства современного политического мира", не заслуживающие серьёзного внимания. Это тем более удивительно, что сами Вы далеко не равнодушны ни к так называемым мировым проблемам, ни к текущим общественным и другим вопросам.

Но Вы отмахиваетесь не только от самих тем и вопросов, но и от того, что Андреев говорит в связи с ними, считая, "что в оценке наследия Андреева это дело десятое". Если бы речь шла действительно об оценке наследия Андреева или о сравнительной ценности различных его частей, этот Ваш довод был бы ещё уместен, а так - он повисает в воздухе, будучи, что называется, 'не на тему'. Хочу при этом добавить, что и я нашёл ряд выкладок и положений Андреева, от которых можно с лёгкостью отмахнуться ввиду их легковесности, но не относительной - по сравнению с чем-то или кем-то, а абсолютной - то есть исходящей исключительно из их собственного содержания.

Вообще Вы не раз в своём письме прибегаете к сравнениям и аналогиям, которые я должен, к сожалению, признать несостоятельными. Ещё один пример такой аналогии - когда Вы говорите, что суждения Д.А. о Штайнере следует считать не более легкомысленными, чем суждения Льва Толстого о Шекспире. Не знаю, почему Вы упомянули только близкую мне антропософию, когда я говорю в данном контексте о целом ряде обсуждаемых Андреевым предметов и тем, в том числе мне совсем не близких, вроде теософии и масонства. Ну ладно, ограничимся антропософией, раз уж Вы её выбрали. Андреев походя, без всякой нужды для своего изложения и притом весьма категорично судит о предмете, о котором ничего не знает. А разве можно то же самое сказать о Толстом? Я давно очень читал, не помню уже источника, Вам, вероятно, он знаком: Толстой там пишет, то вот, мол, снова решил перечитать Шекспира, и не только в оригинале, но и в переводах, - и снова убедился, что Шекспир... и т.д. и т.п. Как же здесь можно

проводить аналогию, тем более, что Д.А. рассуждает о фактах, а Толстой высказывает личную оценку художественного произведения?

Позвольте теперь мне провести аналогию, в форме вопроса. Если Вы с таким жаром обличаете меня за несуществующую попытку судить, о чём не знаю, почему же Вы так снисходительны к Андрееву, фактически позволившему себе подобные суждения? Давайте уж будем последовательны: либо добросовестность и ответственность должны быть абсолютным правилом всегда и для всех, либо, допуская его нарушение хоть одним человеком - будь то Андреев, или Ваш 'великий оппонент' (так Г.П. называл Солженицына - *И.З.*), или ещё кто, - мы тем самым продолжаем и утверждаем ту самую практику вседозволенности, огульности и произвола, которая принесла столько бед и от которой так хотим освободиться.

Это подвело меня к самому главному, самому больному для нас (для России) вопросу: Как нам освободиться от нашего 'проклятого прошлого'? Почему, даже пройдя через его муки и искренне и решительно отвергая его, мы снова и снова возвращаем и утверждаем его - делом, словом, мыслью? Эта загадка и вместе трагедия открылась мне ещё раз в первой главе "Розы Мира". "Оставьте это, - говорите мне Вы, - читайте дальше, читайте другое, и Вам откроется замечательная поэзия, потрясающая мифология". Я не сомневаюсь в этом, но всё тот же вопрос сидит во мне занозой: А что же делать с первой главой - частицей авторского существа, с её мыслями и идеями, вышедшими из того же источника и готовящими нам новые соловки и освенцимы, новые миллионные жертвы и страдания, новых Андреевых, Шаламовых, Солженицыных, которые сумеют пронести через муки и страдания - кто сагу об этих страданиях, кто замечательную поэзию, кто потрясающую мифологию?

Вот, дорогой Гриша, о чём я думал, читая первую главу, о чём хотел поговорить с Вами и Зиной, услышать от вас - увидели ли вы ту трагедию, которую увидел я, есть ли она на самом деле и если есть - что нам с ней делать.

Обнимаю вас обоих и сердечный привет от Эли,

Ваш Илья

11.12.93

Дорогой Илья!

Простите, что задержал с ответом...

У нас по-разному устроены головы. По-моему в каждом пальце живёт целое организма и нельзя писать о пальце, не имея в виду целого. Да и стоит ли писать о десяти страницах разбор - чуть ли не в те же десять страниц? Логически Вы всё

выстраиваете стройно, однако остаётся чувство, что Ваши суждения относятся к Андрееву в целом. Критикуя мой ответ, Вы во многих частностях правы, я небрежно выбрал некоторые примеры, и вообще сравнение - не доказательство. А отношение к Андрееву остаётся - у меня моё и у Вас - Ваше. У меня: один из величайших умов России XX века. У Вас: дилетант, дерзающий писать о том, чего не понимает. Поставим на этом точку. У каждого барона - своя фантазия...

Да пошлёт Вам судьба счастливого нового года! Сердечный привет от Зины. Г.